

И. Игин

**О людях, которых я
рисовал**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
И11

И11 **И. Игин**
О людях, которых я рисовал / И. Игин – М.: Книга по Требованию, 2013. –
134 с.

ISBN 978-5-458-46900-5

Шаржи Иосифа Игина широко известны. В этой книге показаны лишь некоторые из тех талантливых, ярких, интересных людей, с которыми художник встречался за три десятилетия своей работы. Маленькие истории Игина не претендуют на многостороннюю, полную характеристику изображаемых лиц, а дают их в наброске, часто с помощью одной детали, метко и точно схваченной. Игин – рассказчик дополняет Игина – художника. Особенное место удалено в книге Михаилу Светлову, с которым автора связывали долгие годы дружбы и тесного творческого содружества.

ISBN 978-5-458-46900-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В двадцать четыре года не приходят в отчаянье от того, что идет дождь, а у тебя рваные ботинки, которые удивительно быстро всасывают воду, что нет денег, и нет никакого представления о том, где ты сегодня будешь ночевать.

Именно в таком состоянии шел я осенним вечером 1934 года по набережной Фонтанки мимо Дома печати.

Меня остановила афиша:

«Экс-чемпион мира Хосе-Рауль Капабланка. Сеанс одновременной игры».

Поднимаясь по лестнице, я старался ступать возможно легче: проклятые ботинки продолжали работать, как два насоса, но уже в обратном направлении.

В большом зале за столиками, составленными в виде буквы «П», сидели, уткнувшись в доски, шахматисты, а внутри этой буквы передвигался от столика к столику Капабланка.

В толпе болельщиков два художника делали зарисовки. Я заглянул к ним в альбомы. Они рисовали шаржи.

Устроившись у одного из оснований буквы «П», я наблюдал постепенно приближавшийся ко мне профиль Капабланки и тоже решил нарисовать шарж.

Было хорошо видно, как Капабланка то останавливался у какого-нибудь столика и, поджав губы, обдумывал ход, то, не задерживаясь, проходил вдоль нескольких столиков и пластичным, как у балерины, жестом переставлял фигуры.

Незаметно сеанс подошел к концу, народ стал расходиться.

Надо было уходить и мне.

Я задержался в фойе, размышляя над тем, куда же идти.

Мон размышления прервал директор Дома печати. Он пригласил художников зайти в кабинет и показать рисунки. Я зашел. На столе лежали два рисунка.

— Я бы выбрал этот,— показал на мой рисунок один из художников и положил свой в папку.

Мы познакомились. Это был Николай Эрнестович Радлов.

Мне уплатили пятьдесят рублей. Нетрудно представить, какой фантастической мне показалась эта сумма, если до этого я получал тридцатирублевую студенческую стипендию.

Теперь я знал, куда идти. Прямым путем я направился в ресторан Дома.

Я уплатил не помню какое по счету блюдо, когда к моему столику подсел директор Дома.

— Не согласитесь ли вы,— сказал он,— нарисовать серию шаржей на известных актеров, выступающих в нашем Доме?

Это был первый «настоящий» заказ.

Других заказов у меня в ту пору не было.

Ночевал я в гостинице на широченной кровати. Я испытывал чувство неловкости перед белоснежными, накрахмаленными простынями за то, что пришлось их измять.

А утром, когда надо было идти в Дом печати и рисовать, мне стало страшновато. Правда, еще в студенческие годы я любил портрет больше других жанров. Но шарж с его гиперболичностью, смещением пропорций и другими особенностями — интересно, а хватит ли пороху? Первым пришел позировать известный комедийный актер Б. А. Горин-Горянинов. Ярко выраженная индивидуальность его лица, острый нос, близко поставленные глаза, попыхивающая трубка облегчили мою задачу. После нескольких набросков шарж получился, и я увереннее стал работать над следующим.

А потом меня увлекла работа над поисками характера, именно того характера, который делает шарж более похожим на оригинал, чем просто портрет.

* * *

За многие годы работы в этом жанре я нарисовал более тысячи моих современников, и среди

Х. Капабланка

Б. Горин-Горяилов

них — интереснейших людей искусства и литературы, наблюдал их, смотрел в спектаклях и концертах, читал их произведения и со многими подружился.

И кто знает, как сложилась бы моя творческая судьба, если бы не встреча с Капабланкой осеним вечером 1934 года на набережной Фонтанки. ●

ВСЕГДА НЕОЖИДАННЫЙ

— Два слова могут быть неслыханно сильными, а четыре слова уже вчетверо слабей,— сказал Олеша.

Я любил сидеть с Юрием Карловичем за столиком в кафе «Националь». Он был интересным собеседником, всегда неожиданным. На вопрос: «Что вы больше всего любите писать?» — Олеша шутил: «Сумму прописью».

О себе он с улыбкой говорил: «Старик и море... долгов».

Он находил, что повесть Хемингуэя «Старик и море» сродни гоголевской «Шинели».

Акакий Акакиевич мечтал о новой шинели.

Старик — о большой рыбе.

Ценою тяжелых лишений маленький чиновник стал обладателем шинели.

Ценою тяжелой борьбы старый рыбак поймал рыбу.

Шинель отобрали грабители.

Рыбу обгладали акулы.

Юрий Карлович часто говорил о глубоком гуманизме искусства. Он любил повторять, что «талант — это, кроме всего, великая дружественность одного ко всем».

Однажды, наблюдая маленькую, хрупкую официантку, которая несла на одной руке большой поднос, уставленный супами, бутылками, бокалами, он восхищенно сказал:

— Какой труд надо потратить, чтобы научиться нести это сооружение, и, заметьте, так грациозно.

Он испытывал чувство особенной, восторженной почтительности к людям, умевшим делать то, чего он не умел.

— А так как я почти ничего не умею,— сказал он,— я с уважением отношусь ко всему человечеству.

Когда в космос полетел первый спутник, в газетах началась дискуссия о физиках и лириках.

— Как это можно противопоставлять! — возмущался Олеша.— Если бы Циолковский не был наде-

Ю. Олеша

лен поэтическим воображением, разве он придумал бы ракету?

Юрий Карлович любил синий цвет есенинской поэзии.

— Послушайте только, — говорил он. — «Вечером синим...», «Синие ночи...», «Свет такой синий...»

Я слушал и вдруг увидел в тени, под нависшими бровями Олеши синие, как стихи, глаза. Я сказал ему об этом. Он очень обрадовался.

— Представьте, — сказал он, — это не сразу замечают.

Шарж на него был опубликован в газете «Литература и жизнь».

Когда ему показали газету, он сказал:

— Не может быть, это они ошиблись. Человек, на которого публикуют шарж, должен быть очень популярным.

Последний раз я виделся с Юрием Карловичем в конце апреля 1960 года в Доме литераторов.

Он говорил о том, что каждому из нас не хватает простой, человеческой дружбы.

Теперь, когда я думаю о жизни и смерти Юрия Карловича Олеши, мне вспоминаются похороны нашего общего друга — театрального режиссера Исаака Давидовича Меламеда. Я не случайно упоминаю это имя. Пусть, хоть вскользь упомянутое, оно сохранится для людей. Над гробом говорили много хорошего об ушедшем, о его таланте, о его доброй душе. Юрий Карлович грустно произнес:

— Если бы мы ему сказали все это при жизни, он был бы среди нас еще много лет... ●

СИГАРЕТЫ «ТРОЙКА».

В 1935 году в Ленинграде гастролировал Московский Художественный театр. По заданию журнала «Рабочий и театр» я должен был рисовать Качалова.

Я позвонил Василию Ивановичу по телефону.

Он спросил, когда мне удобнее его принять и как ехать ко мне в мастерскую.

Признаться, этот вопрос меня озадачил. В то время все мое имущество умещалось в двух ящиках письменного стола, а noctilег на редакционном диване газеты «Ленинские искры» казался высшим комфортом.

— Стоит ли вам утруждать себя, — сказал я. — Чтобы сделать журнальную зарисовку, достаточно одного сеанса. Не проще ли нам встретиться в театре или гостинице?

Он пригласил меня к себе в «Асторию».

«Какой будет встреча? — думал я. — Я — неизвестный, начинающий художник. Он — Качалов! Его рисовал сам Валентин Серов...»

...Дверь номера была распахнута. На пороге стоял Василий Иванович. Он настоял на том, чтобы я вошел первым, и стал помогать мне снимать пальто. Я почувствовал себя крайне неловко.

Чтобы как-то скрыть свое смущение, я сунул руку в карман за папиросами и спросил, можно ли зажечь.

Надо сказать, что папиросы я тогда курил самые дешевые, тоненькие, так называемые «гвоздики».

— Прошу, — сказал Качалов и потянулся к лежавшим на столе сигаретам «Тройка».

Но тут он увидел мои дешевенькие папиросы.

— Вот, кстати, — сказал он поспешно, — я тоже хочу курить, а купить забыл.

Он вынул из моей пачки «гвоздик» таким же-
том, будто это была, по крайней мере, гаванская сигара. А левая рука его повернулась ладонью к столу, прикрыла сигареты и «незаметно» убрала их со стола.

И мне стало с ним легко и просто. ●

В. Качалов

МАТЬ-ЭСТРАДА

Когда я рисовал Смирнова-Сокольского, разговор так часто перемежался остротами, что мне было трудно сосредоточиться.

Происходило это в Театре эстрады, создателем и художественным руководителем которого и был Николай Павлович Смирнов-Сокольский.

В кабинет то и дело входили артисты и сотрудники. Позируя, Николай Павлович решал дела, подписывал бумаги и даже умудрялся просматривать номера программы.

При этом он не переставал шутить и вызывать смех присутствующих.

В кабинет вошел актер, исполняющий лирические песенки. У него было обычное, ничем не примечательное лицо. Но ему хотелось со сцены казаться красивым. Он старательно загримировался, навел румянец, прочертил брови и пришел показаться худруку. Лицо его в гриме стало слащавым и пошлым.

— Как, — спросил он Сокольского, — можно в этом гриме выступать?

— Можно, — ответил Сокольский, — только спиной к публике.

Но вот вошел близкий друг Николая Павловича — артист Илья Набатов. Видно было, что он чем-то расстроен.

— Что-нибудь случилось? — спросил Смирнов-Сокольский.

Немного помявшись, Набатов сказал, что поссорился с женой. Она-де наговорила ему кучу незаслуженных упреков.

— Она имеет право! — немедленно заключил Николай Павлович. — Кто ты такой — ничтожество, жалкий эстрадник! А она — жена знаменитого актера!

Надо ли говорить, что и обиженный супругой артист, и все, кому довелось присутствовать при этой сцене, дружно рассмеялись.

Но вот работа над шаржем подошла к концу.